

И.И.МУЛЛОНЕН

"СВЯТЫЕ" ГИДРОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ
ВЕПССКО-РУССКОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

148054K
Карелия и смежные с ней районы Российского Северо-Запада - благодатный регион для исследования взаимодействия топонимических систем разных языков, Поскольку прибалтийско-финско-русское этноязыковое контактирование, с одной стороны, имеет здесь древние исторические корни, с другой - представляет собой живой процесс в ареалах современного расселения вепсов и карел. Ниже на примере усвоения русской топонимией прибалтийско-финских - вепских и карельских гидронимов с основой **pühä-** 'святой' мы попытаемся показать, что механизм контактирования прибалтийско-финской и русской топонимических систем, особенности адаптационных моделей обусловлены целым рядом и языковых (в том числе ономастических), и внелингвистических факторов. Выбор гидронимов с основой **pühä-** вызван еще и тем, что эта топонимическая основа обладает большим этноисторическим потенциалом.

Вначале приведем список географических названий, послуживших материалом для анализа. Он составлен на основе полевых данных, картографических источников, справочной литературы (см. карту):

- р.Люхяёки и оз.Люхяярви (бассейн р.Шуя);
- оз.Pühäd'ärvi - рус. Святозеро; р.Pühäd'ogi - рус. Святрека (бассейн р.Шуя);





• - 1 - - - - - 2

1- гидронимы с основой *rühä-*, *svyat-*, *pig-*/*pik-*
 2 - границы древних новгородских по-
 гостов и пятин

• оз. *Pühäd'ärvi* - рус. *Пигозеро* (бассейн р. Олонки);
 - р. *Pühäd'ogi* РУС. *Святуха*. на картах начала XIX в.
 р. Пидла (бассейн р. Важинки);
 - р. *Святуха*, в материалах XVI в. Святая речка;
 оз. *Святозеро* (бассейн р. Свири);
 - оз. *Святуха*, представляющее собой залив Онежского
 озера (Заонежский полуостров);
 - оз. *Светозеро* (бассейн р. Выг);
 - оз. *Святозеро* в истоках р. Кумбасы (бассейн р. Водла);
 - оз. *Святое* или *Святозеро* в истоках р. Пизьмы (бассейн
 р. Водла);
 - оз. *Пихозеро* и руч. *Пихручей* на р. Поршта (бассейн
 р. Водла).

оз. *Pühär'* или *Pühäläht* - рус. Постное или Пигозеро,
 представляющее собой восточную часть (залив) ср. вепс.
laht 'залив') оз. Шимозера (Онежско-Белозерский водораздел);
 - оз. *Pihar'* - рус. *Пигозеро* или оз. *Святозеро*, на картах
 XVIII в. оз. Пюх; р. *Святозерка* (бассейн р. Лидь);
 - оз. *Pühäjärv* - рус. *Сеязеро* (бассейн р. Суды);
 - оз. *Святозеро* (бассейн р. Киуйка в Белозерье);
 - оз. *Святозеро* (бассейн р. Шолы в Белозерье).

Есть основания предполагать, что наш список может быть
 дополнен данными с территории Архангельской области, где в
 бассейнах рек Онеги и Двины известен целый ряд ер с назва-
 ниями *Святозеро* и *Святое* (см., к примеру, материал А. Ле-
 товой - Летова 1988). Наряду с русскими истоками для некото-
 рых из них не исключены и прибалтийско-финские. На это ука-
 зывает косвенным образом хотя бы двуосновная модель
 (Свят/озеро) спровоцированная прибалтийско-финским оригина-
 лом. К сожалению, отсутствие в нашем распоряжении данных по
 точной локализации гидронимов с основой *svyat-* в бассейнах
 Онеги и Двины не дает возможности нанести их на нашу карту.
 Тем не менее отмеченный на ней ареал прибалтийско-финских
 гидронимов с основой *rühä-* и их русских эквивалентов, оче-
 видно, продолжался на восток в Заволочье

Из приведенного списка известны, ... прибалтийско-

финская гидроснова **pühä-** передается на русский язык по-разному. С одной стороны, происходит ее **фонетическое** усвоение (ср. *Пигозеро, Пихозеро*), а с другой - перевод. При этом в переводах превалирует **семантика 'святой'** (*Святозеро, р.Святуха*), хотя отмечен по крайней мере один **случай**, когда в переводе присутствует основа пост- (*оз.Постное*). Чем же вызвано наличие разных русских вариантов? Видимо, за ним стоят непростые этноязыковые процессы, которые, к тому же, должны рассматриваться в контексте ономастических закономерностей:

Начнем с того, что в восточных прибалтийско-финских языках - карельском, вепсском, ижорском - семантика **'святой'**, **присущая** прибалтийско-финскому слову **pühä**, под воздействием православной **традиции** (в которой святое, или **праздничное**; время сопряжено с постом) отошла на задний план, а вперед **выдвинулось** значение **'пост'**, оно и воплотилось в шимозерском гидрониме Постное. Местные жители связывают происхождение данного названия с отсутствием рыбы в восточной части Шимозера. Реальные основы топонима, видимо, в другом. Он входит в обширный вепско-карельский ареал гидронимов с основой **pühä-**, причем в русских переводах превалирует не семантика **'пост'**, а семантика **'святой'**: *оз.Pühäjärv* > *святозеро, р.Pühädogi* > *Святуха* и др. **Предпочтение**, отдаваемое семантике **'святой'**, связано, возможно, со временем русского **усвоения** большинства прибалтийско-финских гидронимов с основой **pühä-**: оно произошло еще в период господства именно этого значения у слова **pühä** в восточных прибалтийско-финских **языках**. Кроме того, факт передачи прибалтийско-финской модели *Pühäjärv* через *Святозеро* или *Святое озеро* дает основание **реконструировать** прибалтийско-финский оригинал и **для** некоторых из тех **"святых"** гидронимов на Русском Севере, прибалтийско-финский **оригинал которых** не сохранился. Дополнительными критериями в пользу их переводного характера является упоминавшаяся уже выше **двусловная модель**: *Свят/озеро, Свят/река*, а также то, что они бытуют в окружении субстратной гидронимии.

Имеется и еще одно весьма **существенное** обоснование прибалтийско-финских **истоков** по крайней мере тех русскоязычных

"святых" (т.е. с основой свят- в названии) **озер, рек и ручьев**, которые приведены в нашем списке. Всем им присуща географическая **особенность,отмеченная** у финских и эстонских гидронимов с основой **pühä-**. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними (**замыкающими**) в **цепи озер,ручьев** и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, **отделяющей** один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах "святых" озер и рек **чаще всего** отсутствуют, а судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные "святые" гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей. Чем обусловлены такие **особенности?** Видимо, причина заключается в древней семантике прибалтийско-финской лексемы **pühä**. Предполагают, что ее религиозно-магическое значение **"святой"** не изначально, а развилось из более ранней семантики **'изгородь, ограда, граница'** через значение **'выделенное для религиозных целей место'** (Хакулинен 1955:87). Аналогичного мнения придерживается **В.Анттонен** (Anttonen 1994:27), который подчеркивает, что древнее германское заимствование **риба** бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало **границу, отделяющую** свою землю от чужой (или **находящейся** в общем пользовании). Кроме того, этимологический словарь финского языка (5KE5) приводит финские диалектные и старописьменные примеры производных от основы **puhä-**, в них сохранилось древнее значение **'огородить, отделить, выделить'**. Географическая характеристика упомянутых здесь гидронимов с основой **риба-** свидетельствует, как нам представляется, о **реальном** существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. **Возможность** именно такой интерпретации гидронимной основы **puhä-** в эстонской топонимии не отрицал в свое время Л.Кеттунен (1955:249), а финский историк С.Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии

*Разное написание лексемы (**pühä/puhä**) отражает **традиции орфографии** принятые, с одной стороны, в карельском и вепсском (**риба**), с другой - в финском и эстонском (**руба**) языках.

гидронимы с основой **puhä-** привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам (Suvanto 1972:54). Очевидно, сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь "святые" гидронимы могли отмечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками. Помимо географического положения "святых" озер и рек, это подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов.

Погосты представляли собой административные округа в составе Новгородской земли. Их начальная история в Юго-Восточном Приладожье и Обонежье не ясна, так как письменные сведения об этой территории появляются лишь с конца XII-XIII вв., а первые подробные описания территории погостов относятся к XV в. По этим материалам в свое время была составлена карта погостов (см. карту, приложенную к писцовым книгам) (ПКОП), которая оказалась достаточно убедительной в плане географической характеристики "святых" гидрообъектов. Наложение карты погостов на карту размещения "святых" гидронимов свидетельствует о том, что многие из последних привязаны как раз к границам погостов. В качестве примера можно привести Важёнский погост, в границах которого встречаются три "святых" озера и одна река: на севере оз. *Pühäd'ärvi* - рус. *Святозеро*, входящее в бассейн р.Шуи; на юго-западе граница, разделяющая Важёнский и Олонецкий погосты, проходит в месте расположения оз. *Pühädärvi* - рус. *Пигозеро*, составной части бассейна р.Олонки; на южной границе, между Важенским и Венишским погостами, расположено оз. *Святозеро*, из него вытекает р.Святуха, впадающая в Свирь; наконец, на восточной границе Важенского погоста, отделяющей его от территории Остречинского погоста, находятся верховья р. *Pühäd'ogi* - рус. *Святуха*, впадающей в р.Важенку. На Заонежском полуострове оз. *Святуха* - залив Онежского озера - разделяет Шунгский и Толвуйский погосты. В Пудожье оз. *Святозеро*, входящее в бассейн р.Кумбасы, располагается на границе Обонежской пятины и Заволочья, двух крупных административных единиц Новгородской земли.

На основе приведенного историко-географического факта (целый ряд "святых" гидронимов Российского Северо-Запада

привязан к границам средневековых погостов) можно сделать два вывода. Первый - ономастический, постулирующий переводной характер русских гидронимов *Святозеро*, *Святуха* и т.д. в этом регионе. Расположение рек и озер на древних границах показывает, что в основе их названий лежит прибалтийско-финское слово **pühä**, обозначающее ограду, границу. Второй вывод - исторический. Подтверждается реальность предположения археологов о том, что границы Погостов восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства. Каким временем можно датировать эти местные границы? Судя по письменным источникам, погосты, особенно на востоке территории - в восточном Обонежье, Подвинье, - существовали уже в XII в. Исходя из этого предполагается, что территориальные подразделения местного населения, которые послужили основанием для новгородских погостов, сложились не позднее XI в. (Кочкуркина 1973:74). XI в. - это, очевидно, наиболее поздняя, верхняя граница. В принципе нет препятствий возводить ее и к более раннему времени, к рубежу тысячелетий и даже к концу I тыс. н.э., как и на территории Эстонии и Финляндии, где гидронимы с основой **puhä-** 'святой' привязаны к родовым границам железного века.

Русские соответствия типа *Святое озеро*, *Святуха* отразили тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского **puhä**, когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже не актуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена в многочисленных переводных *Святозерах*, *Святухах* и т.д.

В связи с этим встает один из принципиальных вопросов взаимодействия топосистем - проблема перевода топонимов. В ареале распространения гидронимов с основой **pühä-/свят-** есть сотни местных наименований водных объектов, стабильно передающихся по-русски путем фонетического усвоения основы: *Kaidjärv* - *Кайдозеро* (вепс. *kaid* 'узкий'); *Ladvjärv* - *Ладв-озеро* (вепс. *ladv* 'вершина, исток'); *Habjärv* - *Табозеро* (вепс. *bab* 'осина'). Почему же основа **pühä-** чаще переводится

(Святозеро), чем сохраняется (Пигозеро)? Проблема в данном случае не в этимологической ясности: речь идет, как показывают примеры, об этимологически прозрачных основах.

Наши исследования гидронимии зоны вепско-русского контактирования свидетельствуют о том, что, наряду с безусловными случайностями в переводах топооснов, имеются и определенные закономерности. Оказалось, что достаточно последовательно переводятся на русский язык топоосновы с качественной семантикой (характеризующие форму, цвет, размер и т.д. объектов), причем и из них лишь некоторые совершенно определенные основы: *Pit'kjärv* - Долгозеро, *Mustoja* - Черный ручей, *Väräjjärv* - Кривозеро и т.д. Другие семантические типы представлены только единичными примерами: *Haugjärv* - Шугозеро или Щучье озеро, *Heinoja* - Сенной ручей. Видимо, одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается в наличии соответствующей модели в воспринимавшей русской топонимической системе данной или смежной территории. Если таковая имеется, то усваиваемый топоним подстраивается под нее, занимает место в готовой ячейке. Если же такой модели наготове нет, то, несмотря на ясную семантику, возможности перевода ограничены.

Основа **свят-** входила, очевидно, в разряд продуктивных русских топонимных элементов. Она отмечена, к примеру, Н.В.Подольской в числе типовых славянских топооснов - прилагательных (Подольская 1983:152). В.Н.Топоров, анализируя глубинные индоевропейские корни славянского **свят-**, указывает на использование этой основы в балтийских и славянских гидронимах (Топоров 1988:28, 36). Будучи естественным типовым русским гидронимным элементом, основа **свят-**, видимо, легко замещала прибалтийско-финскую семантически равнозначную основу.

С появлением у лексики **pühä** позднего значения 'пост, постный', оттеснившего на задний план семантику 'святой', связка *Pühäjärv* - Святозеро перестает работать. Что же касается топоосновы "пост(ный)", воплотившейся в единственном известном нам переводе *Pühär'* - Постное озеро, то она явно не входила в число продуктивных русских топонимных элементов. Не с этим ли сопряжено бытование рядом с переводным ва-

риантом Постное озеро и фонетического - Пигозеро и вообще фонетической адаптации топоосновы **pühä** -> пиг-? Примечательно, что все озера с названием Пигозеро, за исключением одного, расположенного в Пудожье *Пухозера*, находятся в глубинах вепсской территории, вдали от основных путей русской колонизации, т.е. в местах, поздно ощутивших русское воздействие. Пудожские *Пухозеро* и *Пухручей* в действительности могут иметь и другие этимологические истоки, а именно: восходить к *Pihkjärv* (ср. вепс. **pihk** 'густое мелкоколесье; молодой хвойный лес'), где на стыке двух основ произошло упрощение фонетического состава: *Pihkjärv* > *Pihjärv* > *Пухозеро*.

В заключение рассмотрим подробнее ареал распространения гидронимной модели с основой **риба-** и соответствующими русскими эквивалентами. Он охватывает территорию южной Карелии (перешеек между Ладожским и Онежским озерами), восточную часть Онежско-Ладожско-Белозерского межозерья, восточное Обонежье, распространяясь на восток вплоть до Двины. Такая ареальная характеристика данной гидронимной модели помогает уточнить конкретные этноязыковые истоки и время ее появления на территории Российского Северо-Запада. В самом деле, гидронимный ареал в основном повторяет предполагаемый ареал распространения вепсов на Российском Северо-Западе. Это современная территория расселения вепсов в Межозерье, между Онежским, Ладожским и Белым озерами, это Онежско-Ладожский (Олонецкий) перешеек - территория современного проживания карел-ливвиков и карел-людиков, сформировавшихся в результате продвижения карел в места, занятые до них вепсами. Онежско-Ладожский перешеек, следовательно, бесспорно бывшая вепсская территория. Вся восточная часть ареала - это современные русские районы, однако здесь в языке, культуре, истории сохранилось множество следов, свидетельствующих о прибалтийско-финском - прежде всего вепском - прошлом. В то же время гидронимной модели нет, по нашим данным, на территории центральной и северной Карелии, освоенной собственно карелами и не испытавшей вепсского воздействия. Отсутствие модели в "карельской" Карелии показательны в плане ее хронологии:

гидронимы с основой **pyhä-** широко известны в северо-западном Приладожье, т.е. там, где формировалась историческая коре- ла, где проходили начальные этапы ее истории (Nissilä 1975: 91). Однако они не были принесены карелами на восток и северо-восток региона карельского освоения. Очевидно, к тому времени, когда начинается экспансия карел на территорию современной Карелии (а это происходит, видимо, с XI-XII вв.), модель *Pyhä/järvi, -joki* уже утрачивает свою продуктивность. Понятно, почему так происходит: к этому времени основная семантика слова **pyhä** 'граница, ограда', воплотившаяся в гидронимной основе, вытесняется значением 'святой', вероятно, не свойственной прибалтийско-финской гидронимии. Указанные хронологические факты стыкуются со стадиями развития семантики 'святой', свойственной русским переводам (*Pühäjävri* - Свято-озеро). Данная модель представлена на территории, испытавшей древнерусское воздействие с XI-XII вв.

Итак, гидронимная модель с основой **pyhä-**, видимо, не была характерна для карельской топонимии периода восточной экспансии. А поэтому ее следы в топонимии Российского Северо-Запада должны быть связаны с более ранней волной прибалтийско-финского расселения - очевидно, с вепской. Этапы семантического развития слова **pyhä**, закрепившегося в качестве гидронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение вепской волны на восток должно было произойти не позднее конца I тыс. н.э., т.е. в период изначальной семантики. Древнерусское освоение этой территории застало уже следующий этап в семантическом развитии **pyhä** и отразило его в многочисленных переводных Святозерах, Святухах. С дальнейшим изменением семантики слова **pyhä** эта гидронимная модель теряет продуктивность.

Заметим, что в прибалтийско-финской ономастике имеется и другой взгляд на истоки происхождения "святых" топонимов, согласно которому последние привязывались к культовым местам населения (ср., например, Мамонтова 1991). Очевидно, нет оснований отвергать такую интерпретацию применительно к наименованиям возвышенностей (*Pühämägi, Pühäselgü*), мысов (*Pühäniemi*), островов (*Pühäsuari*), ручьев (*Pühäoja*) к т.д., где основа **pyhä-** достаточно продуктивна и связана чаще всего

с тем, что вблизи перечисленных мест располагались церкви, часовни, кресты. Однако гидронимы - названия озер, рек, иногда ручьев (главным образом, вытекающих из "святых" озер) - отражают, видимо, иной этап, иной уровень номинации. Это подтверждают приведенные выше этноязыковые факты.

Кочуркина 1973 - Кочуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X-XIII вв. Л.

Летова 1988 - Летова И.А. Семантическое противопоставление "святой" - "черт" в топонимии Русского Севера // Этимогические исследования. Свердловск. С.105-118.

Мамонтова 1991 - Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск. С.102-111.

ПКОП - Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Подольская 1983 - Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топонимы: Словообразовательный анализ. М.

Топоров 1988 - Топоров В.Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования. 1986. М. С.3-44.

Хакулинен 1955 - Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. 2. М.

Anttonen 1994 - Anttonen V. Eri- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänviljää. Kalevalaseuran vuosikirja 79. Pieksämäki. 5.34-35.

Kettunen 1955 - Kettunen L. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki.

Nissila 1975 - Nissila V. Зиотеп Karjalan тятю. Joensuu.

ЗКЕ5 - Зиотеп kielen etymologinen sanakirja.III. Helsinki, 1962.

Suvanto 1972 - Suvanto J. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere.